

М. Б. СМЕРНОВА¹

О ПЕРЕВОДЕ И НАУЧНОМ КОММЕНТИРОВАНИИ «НАЗИДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ» М. ДЕ СЕРВАНТЕСА

Статья посвящена задачам академического издания «Назидательных новелл» М. де Сервантеса в серии «Литературные памятники», касающимся как актуализации перевода, так и создания современного научного аппарата. В качестве основных направлений анализа перевода Б. А. Кржевского, который предполагается использовать в данном издании, можно выделить: 1) смысловые ошибки, связанные с отсутствием у переводчика современной текстологической и справочной базы; 2) стилистические погрешности, ведущие к разрушению сервантесовской образности (на уровне метафор, игры слов и т. д.) и 3) игнорирование интертекстуальных аллюзий (риторических, библейских, поэтических, философских), которыми насыщен текст новелл. При максимально бережном отношении к переводческому наследию Кржевского часть этих задач может быть решена необходимой правкой текста, однако основное бремя ложится на компенсирующие примечания, которые в данном случае не могут быть сведены исключительно к реальному комментарию.

Ключевые слова: Сервантес, «Назидательные новеллы», перевод, научный комментарий, Б. А. Кржевский.

Во время работы по подготовке академического издания «Назидательных новелл» Сервантеса для серии «Литературные памятники» у меня возник ряд общих наблюдений, касающихся задач, связанных как с переводом, так и с основными направлениями их научного комментирования. Этот проект мы задумали и осуществляем вместе с ведущим отечественным сервантистом Светланой Ильиничной Пискуновой, которая взяла на себя основное теоретическое бремя — написание сопроводительной статьи, мне же досталась более практическая его часть: текстологическая и комментаторская.

Поскольку было принято решение не заказывать новый перевод, а взять за основу уже имеющийся — Б. А. Кржевского (стихи в переводе М. Л. Лозинского), первая задача — произвести полную сверку текста с оригиналом. Эта задача в существенной мере облегчается тем, что в 2013 г., юбилейном для первого издания новелл, в самой Испании вышло академическое издание, подготовители которого не только выверили и скорректировали текст, но и

¹ Маргарита Борисовна Смирнова — кандидат филологических наук, доцент кафедры сравнительной истории литератур, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация); smirnovamb7@gmail.com

снабдили его подробным научным аппаратом, проливающим свет в том числе и на «тёмные» его места, представляющие трудность для перевода [см.: 9].

Сам Кржевский, можно предположить, ориентировался на трёхтомное издание Рудольфа Скевилла и Адольфо Бонильи, единственное критическое издание полного текста, вышедшее между 1922 и 1925 гг. (ибо следующее критическое издание появилось только в 1981-м, в издательстве «Критика»). Издание 1922–1925 гг. воспроизводило *editio princeps* (с исправлением типографических ошибок, и адаптацией к современным нормам оформления текста: деление на абзацы, введение кавычек и т. д.) с включением вариантов из издания 1614 г., носивших принципиальный характер.

Сверка текста и решение вопроса о том, какие исправления вносить в перевод, а какие оставить в области примечаний, в нашем случае — дело весьма деликатное. Борис Аполлонович Кржевский (1887–1954) — представитель плеяды испанистов, исследователей и переводчиков, сложившейся в 20–30 годы XX в. К ней принадлежат также и А. А. Смирнов (1883–1962), и К. Н. Державин (1903–1956), и В. В. Рахманов (1900–1940), и К. В. Мочульский (1882–1948), которые по сути формировали новую переводческую школу [см., напр.: 1; 2; 7].

Их переводческая деятельность была связана главным образом с грандиозными проектами созданного в 1919 г. издательства «Всемирная литература» и в 1922 г. издательства «Академия». Именно в «Академии» в 1934 г. вышли двухтомные «Назидательные новеллы» [см.: 4], а несколькими годами ранее — в 1929–1932 гг. — «Дон Кихот» под редакцией Б. А. Кржевского и А. А. Смирнова. Однако очевидно, что путь, по крайней мере внутренний, к этой переводческой работе был начат гораздо раньше.

О пристальном интересе Кржевского к «Назидательным новеллам» свидетельствует его статья, тоже юбилейная, — «Сервантес и его новеллы (1616–1916)», опубликованная в 1916 г. в апрельско-майском, номере «Северных записок». Б. А. Кржевский «досадует, что “до сих пор из новелл Сервантеса на русский язык переведено 3–4”, они “неизвестны читающей публике”», «Дон Кихот» их заслоняет [6, 139].

Из сказанного ясно, что речь идёт о фигуре масштабной, перекидывающей мост от русской культуры к советской, от европейской традиции к русской (ученик А. Н. Веселовского, Кржевский в 1914–1916 гг. прослушал университетские курсы в Париже и Мадриде). Он ещё достаточно близок к XIX в. (родился в 1887 г.), а потому его язык ценен как естественный носитель той архаичности текста, которую современному переводчику пришлось бы специально надумывать и вырабатывать. Вот почему решение оставить перевод Кржевского представляется вполне оправданным.

Более того, мой первый принцип сверки как раз и состоит в том, чтобы практически не вмешиваться в стиль переводчика, а лишь устранять ошибки — вполне понятные в силу отсутствия у Кржевского современной текстологической базы и, возможно, справочных ресурсов. Например, мне не известно, имел ли он доступ к словарю Ороско Коваррубьяса «*Tesoro de la lengua castellana*» [10] или к «*Diccionario de las Autoridades*» [8], где зафиксировано состояние языка, соответствующее или близкое сервантесовской эпохе. Ошибки перевода Кржевского, которые можно квалифицировать как смысловые, по большей части являются следствием как раз того, что

игнорируется устаревшее значение слова, не фиксирующееся в современных словарях, что, собственно, и заставляет предположить, что под рукой у Кржевского не было испанских словарей XVII и XVIII вв.

Вот лишь несколько примеров из новеллы «Цыганочка». Описывается воровское «искусство» старухи, воспитавшей Пресьосу:

«И вот одна из этого племени, старая цыганка, которая могла бы *справить юбилей* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — М. С.) в науке Кака (*podía ser jubilada en la ciencia de Caco*), воспитала под видом своей внучки девушку...» [5, 15; 9, 28].

Здесь слово *jubilat*, переведённое как «справить юбилей», согласно Коваррубьясу и «*Autoridades*», принадлежит университетской лексике и означает почётный уход со своей должности профессора [10; 8], иначе говоря достижение высочайшей ступени в какой-либо науке. Наиболее адекватным русским вариантом, не нуждающимся в дополнительных затекстовых примечаниях (разумеется, кроме «науки Кака»), может быть такой: «снискать звание почётного профессора в науке Кака». В таком же значении *jubilat* используется в новелле «Подставная тётка».

Другой пример, когда словарь «*Autoridades*» позволяет найти правильное значение слов:

«Пресьоса выучила множество вильянских, куплетов, сегидилей, сарабанд и других стихов, главным же образом романсов, так как они ей особенно удавались. Её пройдоха бабушка сообразила, что такие *безделки и пустячки*, при молодости и большой красоте её внучки, являлись прекрасной приманкой...» [5, 16].

Словам «безделки и пустячки» в оригинале соответствуют «*tales juguetes u gracias*» [9, 30]. У слова «*juguete*», согласно словарю XVIII в., есть гораздо более логичное в нашем случае значение «весёлая песенка», а из многих значений слова «*gracia*» наиболее подходящим будет либо «ловкость и искусность при исполнении песни или танца», либо «шутка, остроумный анекдот» [8], что позволяет предложить следующие варианты перевода: «такие песенки и пляски» или «такие песенки и прибаутки».

К подобным ошибкам перевода примыкает и неопознанная пословица, которую Кржевский переводит буквально. Один из приятелей дона Хуана высказывает сомнение, что цыганка может читать по линиям на лбу, на что Пресьоса бойко отвечает:

«*Я ведь что глазами увижу, то и пальцем наворожу. Я и без линий знаю про сеньора дона Хуана, что он довольно влюбчив, горяч...*» [5, 42].

Между тем в испанском тексте используется пословица «*Lo que veo con los ojos, con el dedo lo adivino*» [9, 63], которую фиксируют старые словари (от Коваррубьяса до словаря Королевской академии 1770 г.) со значением: «нетрудно угадать то, что видно невооружённым глазом». Дальнейшие слова Пресьосы («Я и без линий знаю...») только подтверждают, что она фактически не нуждается в каком-то специальном знании или искусстве ворожбы, чтобы раскусить характер дона Хуана/Андреса. Хорошо бы найти соответствующую русскую поговорку, как вариант можно предложить стилизацию: «Нечего гадать, коль и так видать».

В завершение этого краткого перечня смысловых ошибок можно привести случай, стоящий на грани смысла и стиля. Он касается названия монеты,

которая по-испански называется «*doblón de dos caras*», а в русском переводе — «двухголовый» дублон. В то время на монете чеканились бюсты (а не головы) католических королей Изабеллы и Фердинанда соответственно на двух её сторонах (*исп.* «*caras*» обозначает и лицо, и аверс и реверс монеты). Таким образом, в переводе следовало бы использовать вариант «двуликий дублон», что важно не только для точности, но и потому, что это название участвует в столь частой у Сервантеса игре слов «лик монеты — лицо прокурора». В переводе эта игра слов утрачена: «Один “двухголовый” дублон сразу развеселит сердитое *лицо* прокуратора...» [5, 38], но может быть восстановлена следующими заменами: «Один “двуликий” дублон сразу сразу прогонит грусть с *лика* прокурора». Этот пример перекидывает мостик к следующей группе проблем перевода, имеющих отношение к стилю.

Вмешательство в стиль, как мне представляется, может быть оправдано лишь в случаях, когда отступление от оригинала ведёт к разрушению образов или тропов, столь значимых для художественного языка Сервантеса: например, к неоправданному разрушению метафоры, которую вполне можно сохранить. Так, в той же «Цыганочке» старуха, воспитавшая Пресьосу, уподобляется орлу:

«Под конец бабушка поняла, каким сокровищем владела она в лице своей внучки, и тогда-то старый орел решил *учить летать своего* подлётка и обучать его жить трудами *рук* своих» [5, 16].

Для сохранения метафоры я предлагаю следующие замены: «...старый орел решил *поставить на крыло* (*sacar a volar*) своего подлётка и *обучить* его жить трудами *когтей* своих (*vivir por sus uñas*)» [9, 29].

Еще один случай: в Прологе при описании битвы при Лепанто, намекая на испанского полководца Хуана Австрийского, Сервантес называет его сыном Карла V, а к последнему применяет прозвище «*gauro de la guerra*» [9, 17] (прозвище, довольно распространённое в XVI в., своего рода кеннинг эпох: его присваивали и Алессандро Фарнезе, кстати, тоже участнику этой битвы, и Санчо Давила-и-Дасе, о чём необходимо упомянуть в комментарии). Б. А. Кржевский предпочёл несколько двусмысленный перевод «Гроза войн» очевидному «молния войны», а может даже и «молния битвы».

В другом месте Пролога Сервантес явно создаёт метафору своих произведений, которые, словно побродяжки, плутают, не ведая имени хозяина. Переводчик предпочитает более нейтральный вариант, игнорируя этот метафорический образ, который можно сохранить рядом замен:

«...произведения, которые *ходят по рукам искажёнными, а иной раз и без имени сочинителя* (...*obras que andan por ahí descarriadas y, quizá, sin el nombre de su dueño — бродят по свету неприкаянные, а иной раз и без имени их хозяина.* — М. С.) [5, 4; 9, 16–17].

В новелле «Цыганочка» рассуждение Пресьосы о том, как цыганам необходим острый ум, подкрепляется соответствующей метафорой, которую перевод не передаёт и которую можно даже усилить, учитывая концептуальную важность понятия «остроумия» (*ingenio*) для XVII в. Учитывая «цыганский» контекст, здесь подошла бы имплицитная метафора клинка, которая вполне оправдана оригиналом:

«...для того чтобы заработать себе на хлеб, нужно быть острым, хитрым и плутоватым, — вот они и *пускают в ход смекалку на каждом шагу, не по-*

зволя ей лежать под студом (como el sustentar su vida consiste en ser agudos, astutos y embusteros, despabilan el ingenio a cada paso, y *no dejan que críe mohó en ninguna manera* — оттачивают смекалку на каждом шагу, не позволяя ей покрыться ржавчиной. — М. С.) [5, 26; 9, 44].

Наконец, более сложный и спорный пласт исправлений касается выявления тех или иных подтекстов (риторических, эротических, литературных, библейских), которые можно попытаться передать через перевод, хотя большинство таких случаев относится к компетенции научного комментария, поскольку современный читатель без дополнительных пояснений не распознает текстовую аллюзию. Речь идёт об очень плотной интертекстуальности новелл Сервантеса, передать которую посредством одного только перевода не представляется реальным, но можно, по крайней мере в отдельных случаях, приблизить перевод к аналогичному русскому референтному тексту. В качестве иллюстрации приведу несколько примеров.

В первых же строках «Цыганочки» мы находим описание «племени» цыган:

«Похоже на то, что цыгане и цыганки родились на свет только для того, чтобы быть ворами: от воров они рождаются, среди воров вырастают, воровскому ремеслу обучаются <...> так что влечение к воровству и самые кражи суть как бы *неотделимые от них признаки* (accidentes inseparables), исчезающие разве только со смертью» [5, 15; 9, 27].

Здесь мы имеем место с восходящим к Аристотелю и унаследованным средневековой схоластикой термином *акциденция*, обозначающим несущественное, изменчивое, случайное в противоположность сущностному, «эссенциальному» в предмете или в определении предмета. Случайное свойство вещи противопоставляется её сущности. Иронический эффект достигается не только тем, что термин помещён в стилистически и сюжетно сниженный контекст, но и тем, что акциденция (несущественное) у цыган становится как бы их субстанцией. Даже если следовать Порфирию, который выделял «неотделимые» акциденции (как цвет кожи), то комизм все равно сохраняется, потому что в нашем случае желание и действие оказываются неизменными, как сама субстанция. В плане перевода лучше говорить не о «признаках», а о «свойствах» или «качествах» (так принято в русскоязычной философской традиции), хотя очень соблазнительно перевести как «неотделимые акциденции».

Ярким примером использования риторического подтекста является речь Пресьосы при первой встрече с влюблённым Хуаном. Отвергая слишком скоропалительное ухаживание кабальеро, казалось бы, простая цыганка рассуждает о соотношении природы и опыта, любви и благоразумия, как искушённый оратор, выстраивающий речь по строгой риторической схеме: от общего к частному, с использованием риторических, библейских и поэтических топосов в качестве аргументации. Выявление этих подтекстов возможно как средствами собственно перевода, так и неизбежным во многих случаях комментарием.

Например, в начале речи обыгрывается риторический топос «puer senex», который был распространён, в частности в агиографической литературе:

«...хотя мне и пятнадцать лет <...>, а я уже старуха по своим мыслям и понимаю больше, чем это естественно в мои годы: по прирождённой способности, конечно, а не по опыту» [5, 34].

Этот житийно-риторический подтекст ранней мудрости, разумеется, можно прояснить только в комментарии. Но обозначенная здесь тема врождённой склонности души к разумности и добродетели заявлена несколькими строками выше, где перевод выпадает из риторической логики, которая как раз должна подвести к топосу «*puer senex*»:

«Хоть я и цыганка, сеньор кавальеро, и родилась в простоте и бедности, но в душе у меня сидит некий *своенравный бесёнок* (*tengo un cierto espiritillo fantástico acá dentro*), который толкает меня на великие дела» [5, 34; 9, 54].

Слово «бесёнок» не соответствует риторике Пресьосы ни в смысловом, ни в стилистическом плане: «*espiritillo*» — буквально: «малый дух», некий дух-гений (*genio*), способный претворяться в деятельное начало в человеке [8]. Комментаторы испанского издания трактуют это слово как душа. Слово «*fantástico*» тоже представляет трудность для перевода, ибо в словаре Коваррубьяса зафиксировано в значении «своенравный, чванный», а в «*Autoridades*» ещё и во втором значении — «воображаемый» [10; 8]. Однако в контексте сервантесовской прозы это прилагательное иногда возникает в качестве синонима рядом с прилагательным «*inventivo*» — творческий, изобретательный, отсюда и толкование испанских комментаторов — «*alma inventiva*» [9, 54, n. 154]. Я бы предложила нечто среднее — «неуёмный дух», дав соответствующее примечание.

Развивая эту тему, Пресьоса использует библейскую аллюзию:

«...это порождает во мне такую осторожность, что никаким словам и никаким делам я не поверю» (*ningunas palabras creo y de muchas obras dudo*) [5, 4; 9, 54].

Слова Пресьосы отсылают к Евангелию от Иоанна: «Иисус отвечал им: Я сказал вам, и не верите; дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне»; «...когда не верите Мне, верьте делам Моим» [Ин. 10:25, 38]. Более близкий к тексту перевод «никаким словам не верю и во многих делах сомневаюсь», как кажется, усиливает связь с библейским подтекстом, подчёркивая оппозицию слова–дела.

Погрешности такого типа иногда связаны с утратой в переводе терминологического для эпохи Сервантеса статуса некоторых слов. В русском переводе слова «*discreto*», «*descreción*» систематически передаются как «умный», «ум», в то время как для эпохи, понятийно различавшей разные оттенки разума (*agudeza*, *ingenio*, *discreción*, *prudencia*) и культивировавшей «науку благоразумия», куда адекватнее пользоваться соответствующими русскими эквивалентами: «разумный», «благоразумный», «благоразумие».

В другом случае мы явно имеем дело с отсылкой к поэтологической рефлексии XVI–XVII вв., в частности, к идее о двойном предназначении поэзии *docere* — *delectare* (поучать — услаждать или даже развлекать), к которой в эту эпоху часто редуцируется Горациева триада. Паж, передающий Пресьосе стихи, рассуждает так:

«Поэзия — это прекраснейшая девушка, целомудренная, скромная, умная, живая и любящая уединение, никогда не преступающая границ, установленных благоразумием <...> — одним словом, она *восхищает и поучает* (*deleita y enseña*) всех, кто с нею общается!» [5, 39; 9, 60].

Слово «восхищает» оказывается случайным, нетерминологическим, что ведёт к потере контекста, в то время как замена этого глагола словом «услаждает» его восстанавливает.

Однако большинство подобных случаев относится к задачам научного комментирования, важнейшей задачей которого становится выявление имплицитной интертекстуальности новелл, включая пояснение метафорического строя сервантесовского языка, который во многих случаях ставит на службу остроумию канонические тропы. К этому можно добавить, что и реальный комментарий обещает быть весьма обширным: что за магарыч просит Пресьюса у игроков в карты, или что за «строгий трибунал» слушает её пение на улицах Мадрида, или почему, гадая донье Кларе, девушка говорит: «Будет сын у вас, каноник; / Хоть собор не обозначен; / только вряд ли что Толедский?» Или почему цыганки встречают юношу в «богатом дорожном платье»?

Существующие русскоязычные издания прошли мимо этих вопросов, в научном издании «Назидательных новелл» предстоит ответить на них и на многие другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корконосенко К. С. О коллективной работе над переводом «Дон Кихота» 1929–1932 гг. // Литературоведческий журнал. 2015. № 38. С. 122–142.
2. Корконосенко К. С. О школе ленинградских переводчиков с испанского языка // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам (2011). URL: http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Kh_VSgzZy6k%3D&tabid=10460 (дата обращения: 30.11.2016).
3. Кржевский Б. А. Сервантес и его новеллы (1616–1916) // Северные записки. 1916. Апрель–май. С. XXIX–XXXIX.
4. Сервантес Сааведра М. де. Назидательные новеллы: в 2 т. / Пер. и примеч. Б. А. Кржевского. Вступит. статья Ф. В. Кельина. Гравюры на дереве Г. Д. Епифанова. М.–Л.: Academia, 1934 (Испанская и португальская литература).
5. Сервантес Сааведра М. де. Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1961. Т. 3.
6. Табункина И. А. Профессор Б. А. Кржевский в Пермском университете // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3(31). С. 136–148.
7. Толстая М. А. К проблеме авторства перевода романа Сервантеса «Дон Кихот» для издательства «Academia» // Известия АН. Сер. литературы и языка. Т. 63. 2004. № 3. С. 56–59.
8. Diccionario de autoridades. Madrid, 1726–1739. URL: <http://web.frl.es/DA.html> (дата обращения: 30.11.2016).
9. Cervantes M. de. Novelas ejemplares / Edición, estudio y notas de Jorge García López. Madrid: Real Academia Española; Barcelona: Galaxia Gutenberg: Círculo de Lectores, 2013.
10. Covarrubias O. Tesoro de la lengua castellana o española. Madrid, 1611. URL: <http://fondosdigitales.us.es/fondos/libros/765/16/tesoro-de-la-lengua-castellana-o-espanola/> (дата обращения: 30.11.2016).